

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЮЖНОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В XVII ВЕКЕ*

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июня 2018 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности социальной структуры и административной практики городов и уездов юга России в XVII в.; выявлена роль коллективных челобитных как способа взаимодействия власти и общества; изучены формы участия населения в местном управлении; сделан вывод об активном участии общества в управлении в изучаемый период.

Ключевые слова: XVII век, юг России, пограничье, структура населения, власть и общество.

Abstract: the article reviews features of the social structure and administrative practice of cities and counties in the South of Russia in the XVII century. The role of collective petitions as a way of interaction of the power and society is revealed. The forms of public participation in local government are studied. The conclusion is made about the active participation of society in management in the period under study.

Key words: XVII century, South of Russia, borderland, population structure, power and society.

В XVII в. расположенный на южной окраине России район городов-крепостей «на Поле» заселялся и осваивался в условиях острой внешней опасности. Внешний фактор определял специфику социальной структуры населения – высокий удельный вес служилых людей.

Одну из основных сословных групп служилого населения в XVII в. на юге России составляли дворяне и дети боярские. В ряде «полевых» уездов формирование группы детей боярских происходило в конце XVI в. По указу в окрестностях Ельца следовало испоместить 200 детей боярских из числа неслужилых родственников. До 19 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А. Д. Звенигородский и И. Н. Мясной верстали 164 человека из разных городов. В присутствии окладчиков им определили поместные оклады и денежное жалованье.

31 августа 1592 г. кн. А. Д. Звенигородский и И. Н. Мясной получили распоряжение отделить землю детям боярским в соответствии с их окладами по реке Сосне и за Сосной, чтобы на отведенных землях елецкие помещики могли строить дворы и распахать землю. На время устройства елецкие дети боярские освобождались от станичной службы и городского дела [1, с. 64–65]. Отвод земель детям боярским в 1593–1594 гг. положил начало формированию Елецкого уезда.

В 1598/99 г. была составлена елецкая десятина, где перечислялись старые помещики и новики (не со-

хранилась). В 1601/02 и 1602/03 гг. производилось верстание елецких новиков. В 1604/05 г. в Ливнах окольников П. Н. Шереметев и дьяк М. Унковский раздавали денежное жалованье елецким детям боярским – старым помещикам и новикам. Была составлена десятина денежной раздачи жалования, выявлены и отставлены от службы лица, которые верстались в елецкие дети боярские «воровски» из числа стрельцов, казаков, холопов и крестьян [2, л. 1–98].

В Разрядных книгах за 1615/16 г. сообщалось о численности детей боярских в Центральном Черноземье: в Елецком уезде – 846, в Курском – 753, в Воронежском – 283, в Оскольском (Ст. Оскольском) – 223, в Белгородском – 136, в Лебедянском – 70 человек [3, стб. 192–194]. В Валуйках не сложилось уездной корпорации детей боярских.

Провинциальные дворяне и дети боярские были разделены на три чина: выборные, дворовые и городовые. Особенностью детей боярских юга России было незначительное число выборных, подавляющее преобладание городских детей боярских. Так, в 1621/22 г. дворян, служивших по выбору, не было ни в Воронеже, ни в Ельце [4; 5].

А. А. Новосельский показал, что чин выборного дворянина жаловался на основании сочетания родovitости, выслуги и хозяйственной состоятельности [6, с. 318]. Боярская книга 1627 г. отмечает появление двух выборных дворян в Курске [7, с. 144]. В курской десятне 1636 г. уже четыре выборных [8, с. 77]. К концу XVII в. в Курске не только увеличилось число выборных дворян, но и появились лица, записанные в московские чины. В середине XVII в. выборные дворяне появились в Воронеже: Т. И. Михнев, В. М. Струков. К 1689 г. наблюдается дальнейшее

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 180900313 А.

© Глазьев В. Н., 2018

продвижение верхов воронежского дворянства по лестнице чинов: в годовой сметной книге 1689/90 г. отмечено четыре служилых человека, испомещенных в Воронежском уезде и записанных в московский список. Четверо дворян служили по выбору, по дворовому было записано как минимум 12 человек [9, л. 279 об. – 280 об., 281–283 об., 371].

Однако, в целом, как справедливо отметил Д. А. Ляпин, на юге России выборные были большой редкостью. Для сравнения: в 1651 г. во Владимире количество выборных детей боярских составляло 88 человек, дворовых и городских – 163. С новиками и недорослями владимирских детей боярских насчитывалось 336, из них примерно 25 % – выборные. В Суздале ситуация была схожей. Из 359 детей боярских 101, т. е. почти треть, значились в выборных. В Муроме было 40 выборных из 180 детей боярских. Столь огромной была разница между дворянскими корпорациями юга страны и замосковских регионов [10, с. 48].

Схожее с детьми боярскими правовое положение занимали поместные атаманы и казаки. Эта группа сформировалась в последние годы Смутного времени. Основная функция дворян, детей боярских, поместных атаманов и казаков – полковая и городская служба. Дворяне и дети боярские, поместные атаманы и казаки были испомещены в уездах. Объединенные в корпорации – служилые «города» – дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением. Они же играли заметную роль в местном управлении в своих уездах.

Основная часть детей боярских юга России в XVII в. по социально-экономическому положению была близка крестьянам и посадским людям. Служилые люди не имели крестьянских и бобыльских дворов, жили «одним двором», в их хозяйствах были заняты они сами или их родственники [11]. Из массы помещиков и вотчинников выделялась служилая верхушка, которую отличали более высокие чины, должности, поместные оклады и «дачи», наличие крестьянских и бобыльских дворов.

С 1653 г. в связи с образованием полков нового строя на юге России возникли новые категории служилых людей: завоевочки, есаулы, копейщики, рейтары, солдаты. В их состав включали дворян и детей боярских, казаков и других ратных людей и их родственников.

В интересах обороны южных рубежей российское правительство ограждало землевладение местных помещиков и вотчинников от проникновения столичных чинов. Южнорусские дворяне и дети боярские были не в силах противостоять захвату земель и сманиванию крестьян со стороны столичных верхов. В 1630–1640-х гг. правительство настойчиво ограждало «заказные города» от московских и думных

чинов. Владение поместьями и вотчинами в Центральном Черноземье членами боярской думы, московскими чинами и крупными монастырями было исключением. В 1670-е гг. центральная власть фактически перестала защищать интересы мелких землевладельцев на юге страны и встала на сторону московских чинов. С осени 1673 г. московская знать стала во множестве получать земли в бывших «заказных городах» [12, с. 21–40; 13, с. 229].

Соотношение крестьян и служилых людей в Центральном Черноземье зависело от географического расположения уезда и менялось на протяжении столетия. В расположенных южнее – Валуйки, Старооскольский, Белгородский уезды – служилые люди составляли преобладающую часть. Служилые люди численно доминировали в построенных во второй трети XVII в. городах и уездах по Белгородской черте и «за чертой». В расположенных ближе к центру – Ливенском, Елецком, Курском, Лебедянском, Воронежском уездах – в первой половине XVII в. доля крестьянского населения была выше по сравнению с самыми южными, окраинными уездами [14, с. 161–166]. С 1635 г. крестьяне пополняли гарнизоны новопостроенных крепостей, становясь служилыми людьми. Часть крестьянского населения перешла в новую категорию служилых людей – поселенные драгуны.

Основная часть городского населения крепостей «на Поле» – служилые люди, по терминологии Соборного уложения 1649 г., «меньших чинов» – станичники, стрельцы, пушкарки, городские (полковые) казаки, затынщики и другие, более малочисленные категории, владевшие пашенной, а не поместной землей [15, с. 78–81]. Служилые люди «по прибору» выбирали из своих рядов стрелецких, казачьих, пушкарских пятидесятников и десятников.

Численность служилых людей «по прибору» определялась правительством. В Ельце в конце XVI в. должно было находиться 600 полковых казаков, 200 стрельцов, 38 пушкарей и затынщиков, 8 воротников, 5 плотников. Полковые казаки несли конную службу, стрельцы – пешую с ручным огнестрельным оружием. В отличие от детей боярских, получавших земли отдельно друг от друга, пашня полковым казакам и стрельцам отводилась в общей меже. Наряду с набором «охочих» людей в Елец «сводили» ратных людей. В частности, 60 полковых казаков перевели в Елец из Ливен. На житье в Елец переводили тульских пушкарей. 19 марта 1593 г. в Елец «для учения» посылались три «добрых» тульских пушкаря и кузнец. Гарнизон Ельца пополняли донские казаки [1, с. 36, 116, 124–127, 179].

В Разрядных книгах за 1615/16 г. сообщалось о численности служилых людей «меньших чинов» в городах-крепостях «на Поле». В Воронеже размеща-

лись 59 усманских атаманов, 33 ступинских¹ атамана, 36 ивницких атаманов, 26 излегощинских атаманов, 273 полковых казака, 200 стрельцов пеших, 11 пушкарей, 34 затинщика, 4 воротника, 4 казенных сторожа. В Ливнах числились 520 казаков, 100 стрельцов, с атаманом 60 казаков. В Ельце служили 600 казаков, 200 стрельцов, с атаманами 100 донских казаков, 38 пушкарей и затинщиков, 8 воротников. В Лебедяни размещалось 100 стрельцов, 240 казаков, 40 пушкарей и затинщиков. В Осколе числились 20 станичных атаманов, 160 станичных ездоков, 275 казаков, 100 стрельцов, 20 затинщиков, 30 пушкарей, 8 воротников, 20 ямских охотников. В Валуйках служили 270 казаков, 150 конных стрельцов, 100 пеших стрельцов, 100 пушкарей и затинщиков. В Белгороде служили 178 ездоков, 38 вожей, 54 атамана и казаков, 81 казак «жилецкий», 243 стрельца, 32 беломестных атамана и казака, 45 пушкарей и затинщиков, 6 кузнецов. В Курске размещались 300 казаков конных, 200 стрельцов пеших, 50 пушкарей и затинщиков, 7 воротников, 4 кузнеца, 7 рассыльщиков [3, стб. 192–195].

Посадские люди проживали в 10 из 40 городов, стоявших на Белгородской черте и в черте. Крупные посады сложились только в Воронеже, Курске и Ельце. Небольшие, но стабильные посады были в Белгороде, Козлове, Коротояке и Острогожске. В Урьве, Епифани и Землянске число посадских людей не превышало 15 человек [16, с. 16–17]. Курский посад в 1646 г. имел 270 дворов, в 1670–1680-е гг. – 538 посадских дворов [17, с. 97–98]. Составители воронежской переписной книги 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов [18, с. 161]. На протяжении XVII в. воронежский посад численно вырос, в конце XVII в. в него было записано более 300 дворов. Посадские люди ежегодно выбирали из своей среды земских старост [19, с. 38–45].

Значительную роль в общественной жизни юга России играли представители духовенства. К их голосу прислушивались, они активно влияли на формирование общественного мнения. Авторитет священников и монахов был связан в том числе с их грамотностью. Процент грамотных людей среди духовенства был самым высоким.

Показательный факт. В годы Смуты начала XVII в. в условиях ослабления центральной власти и продолжавшейся гражданской войны выбор нового царя должен был получить одобрение регионов и сословий. «Утвержденную грамоту» 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича Романова подписали выборные представители городов-крепостей «на Поле». Из Курска И. Паркин от имени курских дворян, детей боярских, посадских и уездных

людей. Из Ливен егорьевский поп Гавриил представлял детей боярских и казаков. Из Оскола спасский поп Богдан от имени детей боярских, казаков и стрельцов. Из Белгорода богородицкий поп Исаак от имени детей боярских, атаманов, казаков и стрельцов [20, с. 487–524]. Обращает на себя внимание тот факт, что из четырех выборных «полевых» городов три были священниками. Грамотные и обладающие влиянием лица из числа духовенства выступили как объединяющие представители от разных сословных групп.

После Смуты в XVII в. население русских городов и уездов не являлось лишь пассивным объектом управления, оно активно влияло на деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные.

Осенью 1634 г. в Москве царю Михаилу Федоровичу была подана челобитная воронежских служилых людей «всем городом» (детей боярских, стрельцов и казаков), которые жаловались на двух подьячих съезжей избы – С. Завесина и И. Хоненева. Челобитчики обвиняли чиновников в расхищении государственной казны («которые деньги собирают на посольский подъем и подможные деньги, и те подьячие емлют себе») и недолжном исполнении обязанностей: приговоры по различным делам, в том числе судебным, они писали не против челобитных»; на различные службы (сотенную и сторожевую) они писали служилых людей «без ряду, а не по списку». Последнее, надо полагать, делалось за взятки: те, кто не желал выезжать в поле, могли откупаться. Впрочем, в челобитной собственно о взятках не сказано ни слова. Зато имели место натуральные поборы: при заготовке различных «запасов» подьячие «наметывали» и присваивали по четверику на каждую четь (четверик составлял 1/8 чети). Помимо перечисленного подьячие присвоили собранные со всего уезда на строительство городского собора деньги (15 руб.). Воронежцы просили царя отставить неугодных им подьячих, от которых жителям города «ставитца налога великая». 16 октября 1634 г. была составлена царская грамота в Воронеж: названных подьячих велено отставить от службы. Воронежский воевода М. Языков не выполнил указа, ссылаясь на невозможность заменить подьячих другими. 6 августа 1635 г. воронежцы повторили свое обращение к царю. На этот раз требование челобитчиков было удовлетворено частично. С. Завесин отставлен от службы в подьячих, а И. Хоненев остался в съезжей избе, но жалование ему было сокращено [21, с. 22–29].

Типичными для юга России в XVII в. были конфликты местных миров и воевод. Один из них произошел в Валуйках в 1651–1652 гг. Во второй трети XVII в. крепость Валуйки находилась на территории южнее Белгородской черты. По данным разрядной

¹ В тексте ошибочно: инютинские.

книги 1637/38 г. ее гарнизон насчитывал 659 служилых людей и включал конных и пеших стрельцов, полковых казаков, станичных атаманов и ездоков [22, с. 96–97]. По данным А. И. Папкова, в 1643 г. в Валуйках числилось 96 черкас [23, с. 227]. Из-за внешней опасности до 1680-х гг. город Валуйки не имел уезда – окрестных сел и деревень [24, с. 52–53].

В 1651 г. на воеводстве в Валуйках находился стольник М. М. Дмитриев. С целью обогащения М. М. Дмитриев совершал в Валуйках многочисленные злоупотребления. Между тем окружение царя Алексея Михайловича учитывало уроки середины «бунташного» столетия. Восстания в Москве, Томске, Пскове, брожение народа в других городах свидетельствовали о необходимости обуздать произвол местных администраторов, против которых направлялся людской гнев.

20 ноября 1651 г. царь Алексей Михайлович указал разослать по окраинным городам грамоты. В них говорилось о том, что государю стало известно об обидах и притеснениях жителей пограничных уездов от воевод. По этой причине многие оскудевшие служилые люди уходили из «украинных» городов. Воеводам вменялось в обязанность относиться к людям с «лаской и добрым приветом», суд производить по Соборному уложению «в правду», взятки ни за какие дела не брать. В случае нарушения предписания воеводам грозила «великая опала» и возмещение ущерба по искам пострадавших [25, л. 114–115, 115 об.].

В начале 1652 г. в Москве в Разрядном приказе от имени жителей всего города Валук Н. Кубаев, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров, Г. Уколов, В. Луковников, валуйский черкашенин П. Данилов подали челобитную на валуйского воеводу М. М. Дмитриева, который притеснял валуйцев – сажал в тюрьму, устраивал частые смотры, на смотрах их бил, держал законными «в железах и в чепках», сажал в тюрьму жен и детей и морил их «голодною смертью», брал посулы деньгами, лошадьми и медом.

Руководителям Разряда думному дворянину И. А. Гавреневу, думному дьяку С. Заборовскому, дьякам Г. Ларионову, И. Северову челобитчики предъявили «заручную» роспись лиц, пострадавших от воеводы. Новому валуйскому воеводе Д. Яковлеву предписывалось произвести сыск – допросить валуйских служилых людей и духовенство: всем ли они городом подавали челобитную на воеводу, «а они б валуйчане, боясь Бога и помня государево крестное целование, сказали в правду».

По результатам сыска следовало составить два списка, заверенных «рукоприкладствами»: тех, кто жаловался на воеводу, и тех, кто не испытывал притеснений от М. М. Дмитриева. Затем следовало произвести очную ставку между бывшим воеводой, с

одной стороны, и челобитчиками и другими пострадавшими валуйчанами – с другой. После сыска М. М. Дмитриева отпустить в Москву и туда же прислать все документы [26, л. 84–87].

Сыск производился с 23 февраля 1652 г. Опрошенные священники, станичные атаманы и ездоки, черкасы, полковые казаки, конные и пешие стрельцы, пушкари и затинщики подтвердили, что челобитная на воеводу подана от имени всего города. М. М. Дмитриев сажал в тюрьму жен и детей челобитчиков, которые ездили в Москву, и держал их в тюрьме больше недели. Летом в рабочую пору по два-три раза в день устраивал смотры служилым людям. Станичники заявили, что воевода давал им поручения, не предусмотренные указами, от чего они остались без хлеба. Станичные ездоки сетовали: «Государева служба стала не в силу». Станичный атаман С. Забобурин, выбранный в кабацкие целовальники, сообщил, что воевода взял с него 10 руб. Казака Е. Кудрявцева воевода держал в цепи 4 недели, казак заболел, был отпущен, дошел до дома и умер. С ездока К. Лунина воевода взял 6 руб. «без вины». Атамана Н. Кубаева воевода держал в цепях, бил и взял с него 3 руб. С атамана С. Волкова М. Дмитриев взял 5 руб. «и держал в тюрьме в железах неведомо за што». С С. Рябинина взял две ногайских лошади. С М. Старокожева взял 10 руб. и держал в съезжей избе. С черкашенина Н. Екимова воевода взял «посулов и поминок» 4 руб. 20 алт. «от жалованья насильством». Разрешив валуйцам сварить вино или пиво, воевода затем изымал спиртное, сажал в тюрьму и брал штраф по 5 руб. С валуйских ямщиков воевода взял 2 руб. за освобождение от строительства города, но ямщикам пришлось выполнить всю их часть «городового дела». С ямщиков Т. Вытелкова, Т. Шумилина, О. Корелина и других воевода брал деньги по разным поводам [там же, л. 27–83].

В очных ставках М. М. Дмитриев отрицал то, что брал посулы деньгами и медом. С его слов, он сажал в тюрьму за нарушения дисциплины, жалования не дал тем, кто в то время находился в плену. Черкашенин С. Кондратьев заявил, что бывший воевода взял с него 4 руб. В ответ М. М. Дмитриев утверждал: «4-х рублей с него не имывал, только принес ко мне отец ево рубль в почесть, а будет скажет отец ево Кондратей, что я взял с него насильством рубль и я заплачу» [там же, л. 1–14].

23 апреля 1652 г. в Разряд были переданы расспросные речи и очные ставки от воеводы Д. Яковлева. По его словам, М. М. Дмитриев отпущен в Москву [там же, л. 22–26]. В Разряде узнали, что в ходе очных ставок М. М. Дмитриев и челобитчики заключили между собой мир [там же, л. 96]. Дело было доложено царю Алексею Михайловичу. Царь указал допросить М. М. Дмитриева: сколько он заплатил челобит-

чикам за мир, за какую вину он держал в тюрьме жен челобитчиков. Бывший валуйский воевода был допрошен «по крестному целованию» думным дворянином И. А. Гавреневым. М. М. Дмитриев заявил, что, боясь от государя «гнева и опалы», он помирился с челобитчиками (Н. Кубаевым, В. Луковниковым, К. Чеботаевым, П. Кондабаровым), дав им 25 руб.

После первой группы челобитчиков в Москву приезжали другие валуйчане К. Ловягин, стрельцы В. Панин, С. Агеев, казак П. Кондабаров, черкасы Л. Антонов, П. Данилов, К. Иванов, пушкарь И. Коншин. По словам М. М. Дмитриева, они с ним мирились «от всего города, а просили с него по рублю и он им ничево не дал» [там же, л. 105–108]. Обвинения в свой адрес бывший воевода отрицал. Правительство проявило настойчивость в защите интересов жителей Валук. 1 июля 1652 г. яблоневским воеводам боярину кн. Г. С. Куракину и дьяку Н. Наумову поручалось произвести сыск и выяснить, сколько посулов и поминок М. Дмитриев взял и у кого. Показания пострадавших, заверенные их подписями, прислать в Москву [там же, л. 109–110]. Результаты сыска, который производил рязанский дворянин О. Н. Лихарев, поступили в Разрядный приказ 22 августа.

Значительная часть валуйчан – духовенство, стрелецкий и казачий голова С. Хомицкий, пешие и конные стрельцы, полковые казаки, пушкари – заявили, что не знают про вымогательства и взятки М. Дмитриева. Станичные атаманы и ездоки сообщили, что М. Дмитриев «чинил налоги большие и сидели за приставом и в тюрьме атаманы и ездоки» [там же, л. 115–131]. Челобитчики, вернувшиеся из Москвы Н. Кубаев, В. Луковников, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров, сообщили, что помирились с М. Дмитриевым и получили от него деньги в общей сложности 30 руб. В Москву была послана роспись посулов и поминок, которые М. Дмитриев вымогал у валуйчан. Так, полковой казак Г. Уколов сообщил, что без вины сидел при М. Дмитриеве в тюрьме, вынужден был отдать воеводе 10 руб., не мирился и денег своих не получил. Черкашенин П. Данилов, у которого воевода изъял 10 руб. и четыре пуда меда, с ответчиком не помирился. С. Забобурин обвинял воеводу в изъятии 9 руб. Ф. Дмитриев заявил, что воевода взял у него 10 пудов меда. В то же время станичник К. Лодыгин и стрелец С. Агеев сообщили, что были в Москве с «мирским делом» – просили о жаловании, а на воеводу не жаловались. Черкасы Л. Антонов и К. Иванов помирились с М. Дмитриевым, но денег с него не взыскивали [там же, л. 115–131].

Сведений о том, что было дальше, нет. Вероятно, в данной ситуации руководство Разрядного приказа заставило Дмитриева возместить ущерб потерпевшим. Приведенный сюжет показывает, что если воеводские притеснения наносили ущерб обороне, то

правительство проявляло твердость, могло применять жесткие меры по отношению к администраторам, заставляя их возвращать часть собранных средств населению.

В 1653 г. к царю Алексею Михайловичу «всем городом» обратились лебедянцы: «дети боярские Гришка Гурьев сын Стуколов с товарищи 300 человек, да стрельцы пятидесятники Антипка Буяков да Оська Кирвяков и все рядовые 120 чел., да полковые казаки пятидесятники Зотка Лузгин да Оникейка Макаров и все рядовые 300 чел., да пушкари и зятинщики Осташка Иевлев с товарищи 39 человек и всяких чинов жилецкие люди». Они жаловались на подьячего съезжей избы Ивана Фролова, который «нам во всяких твоих государевых делах, в запасных и в денежных сборах, чинит налоги и продажи большие для своей бездельной корысти». Подьячий вошел в доверие к воеводам, «с ними пьет и ест заодно», с подьячим в съезжей избе сидят два его брата без указа из Москвы. На Рождество Христово Иван Фролов с братьями ездил по селам и деревням «на нас насильством грабить и животишков наших, что у кого нас в домишках увидит, то насильством и возьмет; да он же с нас емлет насильством мед, и гуси, и ососки, и куры, будто с вотчинных своих крестьян, а хлеба с нас всякого насильством же сберет о празднике о Рождестве Христове четвертей до 400 и больши по вся годы, oprичь того, что у кого насильством отнимет, и всякого животинного, и денежного, и рухлядного, и вина, и меду». Челобитчики отмечали, что даже воеводы их так сильно не грабят, как он, подьячий Иван: «У кого у нас ... ему Ивану Фролову взять нечего, и он тех жен и дочерей бесчестит всяким позорным бесчестьем». При сборе податей подьячий собирает их вдвое, не оставляя расписок, а «что за твоим государевым обиходом какого сбора останется и тем он Иван корыстуется». С братьями и друзьями подьячий пьяным ходит по слободам, бьет жителей, позорит жен и дочерей лебедянцев. Он же «объел у лебедянца ж сына боярского у Агапа Петрова нос весь прочь зубами своими», «объел у стрелецкой жены у руки персты прочь». Воеводы не останавливают Ивана Фролова, потому что он с ними пьет и ест вместе. По словам челобитчиков, всех «налог и продаж» подьячего невозможно описать, И. Фролов продолжает угрожать лебедянкам «боем и продажей». Челобитчики просили отставить И. Фролова от должности подьячего съезжей избы. Челобитную они заверили рукоприкладствами. 21 февраля 1653 г. просьба лебедянцев была удовлетворена [27, с. 314–315].

Несколько раз обращались в Москву с просьбами об отставке подьячих жители Острогжска и Острогжского уезда. В челобитной дети боярские, заказные головы, полковые казаки и черкасы городской службы, станичный атаман, стрелецкий и пушкарский

пятидесятник, старосты посадских людей жаловались на подьячего острогожской приказной избы Федора Богданова. Ранее он украл казенное сукно и письменные принадлежности. Подьячий стрелял из пищали в посадского человека, бил челобитчиков «без царского указа и воеводского ведома», сажал в тюрьму, чинил всякие налоги, убытки и разорения. Его поступки уже привлекали внимание центральных властей. По указу и отпискам из Курска острогожскому воеводе И. С. Сасову (острогожский воевода с 8 февраля 1676 г.) было предписано пытаться Федора за воровство и отстранить от подьячества. Но после отставки Богданов был приближен воеводой И. Иевлевым (острогожский воевода с 1 марта 1679 г.). В сговоре с начальством подьячий вынудил своими действиями многих жителей покинуть Острогожск. Челобитчики просили уволить Федора из приказной избы. Вероятно, их пожелание было удовлетворено, так как в документах последующего времени не встречается сведений о работе Ф. Богданова [28, с. 40–41, 204].

Городские и уездные жители могли влиять на срок службы местных администраторов. Так, 17 августа 1677 г. по «заручному» челобитью, на котором имелись подписи, острогожец царь продлил воеводство И. С. Сасова в Острогожске до трех лет. Об этом просили игумен Дивногорской пустыни Тихон, городские и уездные священники, черкасский полковник К. Гавриков, атаман Т. Щербинин, урядники и казаки, казачьи головы, голова городовых черкас, станичники, посадские люди. По их отзывам, Сасов жил на службе смиренно, был «россудом справедлив» [28, с. 43].

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политически активной части местного «мира».

По представлениям и власти, и общества изучаемого периода истинная челобитная должна быть подана от «всего города». «Весь город» коллективных челобитных юга России – это совокупность всех служилых и неслужилых групп населения, проживающих на территории города и уезда.

Понятие «весь город» оставалось достаточно неопределенным. Коллективные челобитные активно использовались в борьбе противоборствующих внутригородских групп. Доводом одной из сторон служило то обстоятельство, что совместная челобитная их соперников подана не от всего «города», о ней не слышали люди, а писалась «на дворе» одного из жителей «немногими советниками». Такие челобитные называли «затейными», «воровскими», «составными». Для проверки обоснованности предъявленных

в коллективной челобитной обвинений московские власти могли назначать повальный обыск, т. е. опрос представителей различных категорий населения, оформленный соответствующим протоколом. В ходе повального обыска выяснялось отношение населения к тому или иному администратору.

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились южнорусские города. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание обороноспособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. С этих позиций Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения.

В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемого в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромисса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение. С другой – имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли, к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Все это оказывало влияние на принятие решения.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление XVII в. Параллельно шел процесс бюрократизации и централизация местного управления.

Одной из форм взаимодействия власти и общества в XVII в. являлись выборы губных старост и их деятельность. На юге России губные старосты выбирались в уездах, заметным компонентом структуры населения которых являлось крестьянство: Ливенском, Елецком, Воронежском, Курском. В уездах с незначительной долей крестьян функции губных старост выполняли воеводы.

Для «правлящей группы» служилого «города», верхов духовенства выборы губного старосты и пребывание на этом посту – форма участия в местном управлении, возможность влиять на важнейшую ее сферу – борьбу с разбойниками и татями. Это альтернатива воеводской власти в конфликтных ситуациях с воеводами [29, с. 98–101]. Для дворян и детей бо-

ярских должностей губного старосты была более «спокойной», чем полковая служба. В то же время она означала определенное признание, престиж в рамках городского и уездного «мира». Обязанности губных старост не ограничивались борьбой с разбоями, убийствами и татьбой, им поручались дела иного характера: отвод и размежевание земель, сыск беглых холопов.

Губные старосты принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их чины и оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи. Служилая элита могла занимать и другие должности местного управления: городских приказчиков, осадных, стрелецких, казачьих голов, таможенных и кабацких голов.

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды городских приказчиков. В их ведении находились городские укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городских приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных головах возлагалась оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины.

Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным образом назначались казацкие и стрелецкие головы и сотники. Протесты населения вызывало назначение иногородних дворян в осадные, казацкие и стрелецкие головы. В связи с подготовкой Соборного уложения 1649 г. жители южнорусских (северских и «польских») городов и уездов подали «заручную» челобитную. В ней сообщалось, что в тех городах «от стрелецких, и от козацких, и от осадных голов от московских и от иногородцев чинится ссора, и смута, и всякое воровство, и городским людям продажа великая» [27, с. 196].

Местные дети боярские выбирались в головы ужитниц. В ряде уездов Черноземья из числа местных детей боярских выбирали таможенных и кабацких голов. Если в городах центра и севера страны таможенно и кабак (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствие или при слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важную сферу жизни города и уезда – торговлю и организацию кабацкого дела [30, с. 28–43].

Значительные события в общественной жизни южной окраины России – выборы на земские соборы, участие в их работе. Выборы организовывал воевода, но не всегда он мог влиять на состав избранных. Как показывает анализ состава выборных от южнорусских городов на земские соборы середины XVII в., эти лица

обладали реальным авторитетом в своих городах [31, с. 276–286].

Южные города и уезды России в XVII в. интенсивно заселялись и осваивались в условиях острой внешней опасности. Ведущей по численности сословной группой русского юга стали служилые люди различных категорий. В ходе организации обороны, строительства укреплений, хозяйственной деятельности служилые люди взаимодействовали с центральной и местной властями. Одной из основных форм выражения своего мнения для южнорусского населения являлись коллективные челобитные, подаваемые на царское имя. С помощью совместных петиций люди активно влияли на состав и деятельность местных администраторов.

Взаимодействие с властью осуществлялось также в формах участия представителей сословных групп юга России в местном управлении. Южнорусские дворяне и дети боярские выбирались в губные старосты, назначались воеводами и приказными людьми небольших городов, занимали посты осадных голов, стрелецких и казачьих голов. В тех немногих городах, где посад был заметен, посадские люди выбирали земских старост. Представители различных служилых категорий на юге России активно участвовали в таможенном и кабацком управлении, что отличало этот регион от центральных и северных городов, где ведущую роль на таможнях и кружечных дворах играли посадские люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Н. Глазьев, Н. А. Тропин, А. В. Новосельцев. – Елец : Елец. гос. ун-т, 2001.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. – Д. 86.
3. Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. – СПб., 1853. – Т. 1.
4. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 4. Дела десятиен. – Д. 87.
5. *Сторожев В. Н.* Воронежское дворянство по десятиям XVII в. / В. Н. Сторожев // Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г. – Воронеж, 1894.
6. *Новосельский А. А.* Правящие группы в служилом «городе» XVII в. / А. А. Новосельский // Ученые записки Ин-та истории РАН ИОН. – М., 1928.
7. Боярская книга 1627 г. – М., 1986.
8. *Танков А. А.* Историческая летопись курского дворянства / А. А. Танков. – М., 1913.
9. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 6д. – Кн. Белгородск. ст. – Кн. 155. – Ч. 1.
10. *Ляпин Д. А.* Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. / Д. А. Ляпин // Российская история. – 2015. – № 5.

11. *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в России в XVII в. (по материалам южных уездов России) / В. М. Важинский. – Воронеж, 1974.
12. *Новосельский А. А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. / А. А. Новосельский // Исторические записки : в 118 т. – М., 1938. – Т. 4.
13. *Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. / П. В. Седов. – СПб., 2006.
14. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М. ; Л., 1948.
15. *Скобелкин О. В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. / О. В. Скобелкин // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2011. – Вып. 18.
16. *Кондратьева С. К.* Посадские люди юга России в XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. К. Кондратьева. – Воронеж, 2012.
17. *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII в. / А. И. Раздорский. – СПб., 2001.
18. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / подготовка текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. – Воронеж, 1998.
19. *Кондратьева С. К.* Земские старосты г. Воронежа в XVII в. / С. К. Кондратьева // Страницы российской истории : сб. науч. статей. – Воронеж, 2006.
20. «Утвержденная грамота» 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича Романова // Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. – М., 2007.
21. *Лисейцев Д. В.* «И от тех подьячих ставитца им налога великая...» : из истории борьбы воронежцев с административным произволом / Д. В. Лисейцев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 3.
22. Разрядная книга 1637–1638 гг. – М., 1983.
23. *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.) / А. И. Папков. – Белгород, 2004.
24. *Загоровский В. П.* Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.
25. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 333.
26. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Стб. Приказн. ст. – Д. 154.
27. Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук / под ред. Н. А. Попова // Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 : в 3 т. – СПб., 1894. – Т. 2.
28. *Гоголева А. А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в. : городские воеводы и черкасские полковники / А. А. Гоголева. – Воронеж, 2008.
29. *Глазьев В. Н.* Воеводы и губные старосты в городах юга России в XVII в. : разграничение полномочий / В. Н. Глазьев // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика Л. В. Милова. – М., 2011.
30. *Жиброва Т. В.* Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. / Т. В. Жиброва. – Воронеж, 2011.
31. *Глазьев В. Н.* Южнорусские выборные на земские соборы середины XVII в. / В. Н. Глазьев // Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. – М., 2017.

*Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
E-mail: vng@main.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-47*

*Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty
E-mail: vng@main.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-47*